

А. Б. СОКОЛОВ

ЮМОР КАК ЧЕРТА АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПО СОЧИНЕНИЯМ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Юмор обычно воспринимается как национальная черта англичан. Сочинения путешественников, посетивших Англию в конце XVIII – первой половине XIX в., свидетельствуют, что они не всегда понимали и ценили английский юмор. Напротив, английские авторы в духе патриотического нарратива часто видели в умении англичан шутить воплощение лучших черт национального характера. Юмор рассматривается как инструмент идентификации, дифференцирования «своих» и «чужих».

Ключевые слова: *английский национальный характер, юмор, травелог, патриотический нарратив.*

Вряд ли можно быть уверенным в том, существует ли в реальности феномен национального характера, или представления о нем – не более чем игра ума, отражающая дискурсивные правила того времени, к которому относится произведение, их описывающее. В конце XVIII в. конструирование национального характера становится одним из главных инструментов конструирования образа страны. Это было следствием патриотического дискурса, порожденного Французской революцией и национальной идеей. Из всех европейских народов самым особенным в глазах иностранцев были англичане. Частью современных представлений о национальном характере англичан является признание за ними особого свойства – шутить не так, как это делают представители других наций. Авторы исследования по культурной истории определяют юмор «как любое послание, выраженное в действии, словах, письме, изображениях или музыке, направленное на то, чтобы вызвать улыбку или смех»¹. Защитниками священного права – шутить по-особому – являются, прежде всего, сами англичане. Можно согласиться с российским исследователем английской литературы и английского характера: «Англичане гордятся своим юмором и не без основания считают его своим национальным богатством. Они болезненно относятся к оценке его со стороны иностранцев. Можно усомниться в любом национальном достоинстве англичан, традиционно приписываемом их характеру – вежливости, изобретательности, терпимости, – ничто не ущемит их национального самолюбия так, как

---

¹ A Cultural History of Humour. P. 1.

суждения об отсутствии у них юмора»². Это наблюдение позволяет рассматривать юмор как часть национальной самоидентификации, а стремление придать ему особую значимость в структуре собственного национального характера как часть «патриотического нарратива».

Основываясь на произведениях путешественников, в основном российских, посетивших Англию в конце XVIII – I пол. XIX в., а также на работах английских авторов, писавших об английском юморе, поставим два вопроса: 1. Если признается, что существуют свойства национального характера, то присутствовало ли умение шутить по-особому в перечне черт «английскости» примерно двести лет назад? Существует ли в этом отношении преемственность: «В какой степени юмор менялся в ходе веков? Смеялись ли наши предки над теми же шутками, что и мы, или сущность юмора была радикально иной? Те, кто читал юмористические тексты прошлых времен, могли заметить, что некоторые шутки совсем неплохи, другие совершенно не смешны, а некоторые просто непонятны. Другими словами, эти тексты одновременно близки нам и далеки от нас»³. 2. В «Культурной истории юмора» говорится: «Распространенной ошибкой является предположение, что существует нечто вроде “онтологии юмора”, что юмор и смех имеют транскультурный и неисторический характер. Однако смех, как и юмор, это культурно детерминированный феномен»⁴. В этой связи позволительно спросить: в какой степени имеющиеся источники, в частности, свидетельства путешественников-иностранцев позволяют судить о чертах национального характера англичан, а главное о том, насколько авторы были способны их «раскодировать»? Можно предположить, что «раскодирование» английского юмора представляло для них трудную задачу. Не исключено, что такого рода затруднения способствовали укреплению стереотипного представления об англичанах как о нации чудаков. Анализируя оценки английского юмора в произведениях иностранцев, важно помнить: «Частью национального стиля является тенденция к отрицанию чувства юмора у других; герой одного из романов Андре Моруа даже заявил, что единственной причиной Великой войны была нехватка у немцев чувства юмора»⁵.

В этой статье не рассматриваются традиции английской комической литературы, а говорится об «устном юморе», с которым путешественники могли «столкнуться» в повседневном общении, и запечатлеть собственную реакцию в своих сочинениях. Бросается в глаза, что приме-

---

² Шестаков. С. 64.

³ A Cultural History of Humour. P. 7.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Ibid. P. 4.

ров такого рода в травелогах немного, гораздо в большей степени в них присутствуют суждения о странностях англичан. Исследователь юмора У. Нэш пишет: устный юмор, в отличие от письменного, «имеющего множество ассоциаций и связей», прост и «является повторением набора типичных шуток, усердной “проработкой” одной и той же ситуации или темы. В компании друзья могут увлечься каламбурами, причем игра слов с каждым выступлением становится все более экстравагантной; двое детей будут обмениваться шутками о “слонах” и “бананах”, а юморист, следуя за настроением аудитории, исполнит серию шуток на излюбленные темы, например, семейных отношений или политических событий. В устном юморе всегда есть элемент соперничества, оппортунизма, непосредственная реакция на острую ситуацию»⁶.

В русских травелогах примеров проявлений англичанами чувства юмора немного. Более того, если судить по «Запискам русского путешественника», Н.М. Карамзин и вовсе полагал, что шутливость совсем не в характере англичан, которые, по его мнению, молчаливы, равнодушны, «не обнаруживают никогда быстрых душевных стремлений, которые сотрясают электрически всю нашу физическую систему», меланхоличны. Да, англичане просвещены и рассудительны, но веселость не входит в число их достоинств. Карамзин счел нужным специально оспорить Генри Филдингга: «Филдингг утверждает, что ни на каком языке нельзя выразить смысла английского слова “humour”, означающего и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость*, из чего заключает, что его нация преимущественно имеет сии качества. Замысловатость англичан видна разве только в их карикатурах, шутливость – в народных глупых театральных *фарсах*, а веселости ни в чем не вижу – даже на самые смешные карикатуры смотрят они с преважным видом, а когда смеются, то смех их походит на истерический. Нет, нет, гордые цари морей, столь же мрачные, как туманы, которые носятся на стихию славы вашей! Оставьте недругам вашим, французам, всякую игривость ума. Будьте рассудительны, если вам угодно, но позвольте мне думать, что вы не имеете тонкости, приятности разума и того живого слияния мыслей, которое производит общественную любезность. Вы рассудительны – и скучны!»⁷.

В другом месте он замечал: «Если бы одним словом надлежало означить народное свойство англичан – я бы назвал их угрюмыми так, как французов – легкомысленными, италийнцев – коварными»⁸. Из этих слов видно: Карамзин, как и многие другие иностранцы, не осознал особен-

⁶ Nash. P. 20.

⁷ Карамзин. С. 591.

⁸ Там же. С. 595.

ность английского юмора, заключающуюся в том, что англичанин, когда шутит, как правило, сохраняет совершенно серьезный вид, что часто вводит в заблуждение. Как пишет В.П. Шестаков, «английский юмор не сводится к простой шутливости. Действительно, одна и характерная особенность английского юмора в том, что он сохраняет серьезность, когда шутит. Шутливость и серьезность – это два необходимых элемента в английском юморе»⁹.

Для того чтобы оценить английский юмор, надо хорошо знать язык, Карамзин, по его собственному признанию, английский знал плохо: «Все хорошо воспитанные англичане знают французский язык, но не хотят говорить им, и я теперь крайне жалею, что так худо знаю английский. Какая разница с нами! У нас всякий, кто умеет только сказать: «*Comment vous portez-vous?*», без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски, а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе?»¹⁰. Кроме патриотической сентенции о национальном самолюбии и родном языке, в этих словах русского писателя видно признание, что в Англии он был, фактически, «глух и нем». Кроме того, как доказал Ю.М. Лотман, «Записки русского путешественника» – это, прежде всего, художественное произведение, сюжетная линия которого далеко не во всем соответствует реальной канве событий, происходивших с молодым Карамзиным. Лотман не просто обратил внимание на двусмысленность в написании дат, но и утверждал, что Карамзин находился в Лондоне куда более краткое время, чем можно полагать, исходя из «Записок», возможно, не более десяти дней. В Петербург он вернулся не в сентябре, а уже в середине июля 1790 г. Время его приезда в Лондон и вовсе точно определить невозможно. И дело не только в том, что Карамзин поиздержался, «совершенно очевидно, что за время путешествия в планах Карамзина произошли значительные сдвиги: если прежде его душа стремилась в Лондон, то теперь Париж интересовал его гораздо больше... Английские рецензенты “Писем” ядовито упрекали автора, что он большую часть лондонского пребывания провел в обществе чиновников русского посольства и слишком поверхностно описал английскую жизнь»¹¹. Лотман свидетельствовал: Карамзин явно подменял впечатления готовыми литературными штампами.

---

⁹ Шестаков. С. 87.

¹⁰ Карамзин. С. 530-531.

¹¹ Лотман. С. 176.

Учитывая краткость пребывания Карамзина в Лондоне, круг его общения в английской столице, сам характер «Записок» как произведения литературного, трудно ожидать в нем большого числа примеров английского юмора. На самом деле, все ограничивается двумя зарисовками. В одном случае он вспоминал «забавное «Гулливерово путешествие»; помните, как он заехал в царство лошадей, у которых люди были в рабстве и которые, разговаривая по-своему с нашим путешественником, никак не хотели верить, что где-нибудь подобные им благородные твари могли служить слабодушному человеку. Эта выдумка Свифта казалась мне странною, но, приехав в Англию, я понял сатирика: он шутил над своими земляками, которые по страсти к лошадям, ходят за ними по крайней мере как за нежными друзьями своими. Резвые скакуны здесь разве что только не члены парламента и без всякого излишнего самолюбия могут вообразить себя господами людей»¹². Здесь Карамзин выделил одну из особенностей юмора, заключающуюся в контексте. Как пишет Нэш, «почти всегда юмор предполагает наличие общего для юмориста и аудитории фактического знания, например о том, что у Генриха VIII было шесть жен, у Нельсона один глаз, а Линкольн был убит в театре (Но если отбросить случившееся, миссис Линкольн, понравилась ли Вам пьеса?)»¹³. Другой пример относится к посещению Карамзиным парламента, когда в палате обсуждались обвинения, выдвинутые в адрес У. Гастингса, генерал-губернатора Индии. В ходе заседания «один из Гастингсовых адвокатов сказал пэрам: “Милорды! Генерал NN не успел представить вам отзыва в пользу нашего клиента, уехал в свое отечество, для поправления здоровья, но он скоро возвратится”. Тут Борк выступил вперед и примолвил с важным видом: “Милорды! Пожелаем господину генералу счастливого пути и лучшего здоровья!”. Все лорды, все зрители засмеялись, встали – и пошли домой»¹⁴. Трудно с уверенностью сказать, был ли автор свидетелем этого происшествя, характер описания таков, что в основе описания могли быть и не личные наблюдения. «Важный вид» произносившего остроту Э. Берка отражает правило «серьезности», свойственное английскому юмору. По этому отрывку из «Записок» не видно, что Карамзин оценил юмор известного политика.

Возможно, что недопонимание английского юмора вело к тому, что путешественники предпочитали говорить об англичанах не как о шутниках, а как о чудаках. Тот же Карамзин рассуждал: «Не от сплина

---

¹² Карамзин. С. 586.

¹³ Nash. P. 4.

¹⁴ Карамзин. С. 578-579.

происходят и многочисленные английские странности, которые в другом месте назвались бы безумием, а здесь именуются только своенравием, или *whim*? Человек, уже не находя вкуса в истинных приятностях жизни, выдумывает ложные, и когда не может прельстить людей своим счастьем, хочет по крайней мере удивить их чем-нибудь необыкновенным. Я бы мог выписать из английских газет и журналов множество странных анекдотов... Британцы хвалятся тем, что могут досыта дурачиться, не давая никому отчета в своих фантазиях. Уступим им это преимущество, друзья мои, и скажем себе в утешение: «Если в Англии дозволено *дурачиться*, у нас не запрещено *умничать*, а последнее нередко бывает смешнее первого»¹⁵.

В большинстве других сочинений русских путешественников, посетивших Англию, обнаруживаются те же черты, что и у Карамзина: о юморе говорится немного, а об англичанах-чудаках куда больше. Известный литератор и книгоиздатель Павел Свиньин противопоставлял французов и англичан: «Нельзя не признать, что французский народ есть самый веселый, любезный, приятный. Качества сии с первого разу совершенно обвораживают иностранца». Правда, через три-четыре месяца «сердце начинает чувствовать непонятную пустоту». «Приехавши в Лондон, – продолжал он, встречал всюду важные лица, безмолвную тишину, холодность, равнодушие – непременно почувствуешь скуку и неудовольствие. Никто тебе не обрадуется; самые рекомендации не растворят дверей дружества. Но чем больше знакомишься, чем больше узнают тебя, тем яснее видишь, что сия холодность есть не что иное, как похвальная осторожность; старайся, и найдешь друзей, друзей верных и истинных»¹⁶. Как видим, хотя сравнение, в конце концов, оборачивается в пользу англичан, но по поводу веселости (вернее, невеселости) англичан мнение Свиньиного не изменилось. В другом месте своих записок он, описывая поездки по Англии в экипажах (тема, рассмотренная им с большой подробностью), рассуждал: «Женщины везде женщины, везде имеют ту непостижимую власть над мужчинами, которая делает их повелительницами, и самых грубых, угрюмых Англичан – нежными учтивыми кавалерами»¹⁷. Противопоставление англичан «веселым» французам обнаруживается и в сочинении французского автора: «Во Франции дурачество потрясает гремушками своими в провинциях и городах, только в то время, когда вся природа кажется облеченною печальным

---

¹⁵ Там же. С. 594-595.

¹⁶ Ежедневные записки. С. I-II.

¹⁷ Там же.

покрывом; тогда как зима проводит особый иней и морозы, веселость французов является в полном торжестве своем. На зло суровости времени живость и склонность к забавам снова переносят их в обыкновенную сферу их движений и удовольствий... Какая блестящая пылкость и какая бездна острых слов! Англичане, напротив того, уступают влиянию времени года! Вельможи и дворяне в бесчувствии засыпают в своих поместьях, и не прежде как при наступлении весны, выходят из оцепенения»¹⁸. В таком образе жизни привилегированного класса (Лондон летом, поместья зимой, а не наоборот, как в других странах) многие авторы видели убедительное доказательство английской эксцентричности.

Известный писатель и издатель Н. Греч, как и Карамзин, признавался в слабом знании английского, причем возвращался к этой теме несколько раз: «Если бы я располагался прожить в Лондоне месяца два, то поселился бы среди самых диких англичан, чтоб выучиться свободно говорить с ними. Теперь же мне не до филологии. Погуляю, погляжу, да и уеду»¹⁹. Он отмечал, что во время пребывания там «не имел ни времени, ни случая завести в Англии интересные знакомства. Видел людей только издали, только в силуэтах». К этому признанию он добавлял: «И еще – если б я умел свободно говорить по-английски! Тогда я посетил бы Манчестер, Бирмингам, Ливерпуль, поэтическую Шотландию; отыскал бы людей, которыми, по справедливости, гордится Великобритания. На французском же языке, там далеко не уедешь»²⁰. Автор даже придумал своеобразный способ определять, англичанин ли его собеседник. Если он понимал собеседника хорошо, то делал вывод, что это иностранец, если плохо – то англичанин. Как Карамзин или Свиньин, Греч полагал, что англичане – народ угрюмый, чопорный, и тоже противопоставлял их французам: «Французы народ лихой, умный, забавный, и если б их порядочно принять в руки, как древле сделал Наполеон Карлович, и повести вперед *tambour battant*, много б можно было из них сделать. Это большие дети с непомерным воображением и пылким тщеславием. Их непременно надобно чем-нибудь забавлять; но все им скоро надоедает; все у них скоро изнашивается, и законы, и правление, и забавы, и печаль»²¹. В Англии все обстоит по-другому: «Там все придумано, рассчитано, установлено. Люди там суть звенья, крючья, зубья, колеса большой машины: они приходят в движение от невидимого пару,

¹⁸ [Жуи] Лондонский пустынный. Ч. I. С. 139.

¹⁹ Греч. С. 38.

²⁰ Там же. С. 182-183.

²¹ Там же. С. 193-194.

производимого трением гиней об гинейю; не говоря ни слова, принимаются за дело, понимают друг друга по взгляду, исполняют все по условию, издавна принятому и свято хранимому»²². Умение веселиться и наслаждаться искусствами, по утверждению Греча, не относится к числу достоинств этой нации: во время танцев «неуклюжесть кавалеров и дам проявилась во всем блеске»²³, «изящные искусства не дались англичанам; им плавать по морям, торговать, ткать сукна, строить паровые машины, делать перочинные ножи, печатать газеты, варить пиво и портер. Всякому свое!»²⁴. Воскресенье и вовсе день скуки: «Не было слышно ни пения, ни инструментальной музыки; изредка раздавались вопли пьяных. Английское празднование воскресных дней!»²⁵. Так что веселость или шутовливость вовсе не черта английского характера.

Тем не менее, конструируя столь различные образы двух наций, Греч делал окончательное заключение в пользу англичан: «Я не англоман, читаю английские книги и газеты, но не знаю английского языка так, как бы мне хотелось знать его; порядочно скучал в Лондоне, и не жалел, выезжая оттуда; напротив, французский язык знаю основательно, говорю по-французски довольно бегло и чисто, так, что иногда меня принимают здесь за Француза; провожу время в Париже гораздо веселее, нежели в Лондоне, и при всем том, и душою, и сердцем, и холодным рассудком, и всем жаром воображения, склоняюсь на сторону Англичан: это нация достойная, если не безусловного подражания в остальной части Европы, то искреннего уважения всех людей честных и благомыслящих»²⁶. Отметим попутно, что в критическом отношении Греча к Франции и ее политическим институтам видны явные следы «нелюбви» русской политической нации николаевского времени к режиму, созданному «королем баррикад» Луи Филиппом.

В сочинении Греча, изобилующем оценками английского характера, есть только одно место, прямо относящееся к свойству англичан шутить. Речь шла о посещении в Англии «старого знакомого» по России Вудборна. Тот прежде «жил в Петербурге очень тихо, в укромной гостинице, с признательностью отзывался о тех, кто его приглашал, ходил в простеньком сертуке (так в тексте – А.С.) и в пресмешных черных брюках с серебряными лампасами, и все свое удовольствие, свою славу

---

²² Там же. С. 185-186.

²³ Там же. С. 135.

²⁴ Там же. С. 152.

²⁵ Там же. С. 157.

²⁶ Там же. С. 217-218.

полагал в выдумке острых слов и французских каламбуров, которые в устах его действительно были очень забавны»²⁷. Таким образом, Вудборн шутил по-французски, поэтому Греч понимал и оценивал его острый язык. Среди убедительных свидетельств, что «Англия есть земля величайших странностей и противоречий», он отмечал принятый в английском обществе обычай проводить весну и лето в городе, а «в дурную погоду» ехать за город, в поместье. Греч все же находил рациональное объяснение этой «странности»: дожди и туманы, дым от каменного угля делают пребывание в Лондоне зимой «нестерпимым».

Профессор Казанского университета И.М. Симонов, как большинство авторов, считал англичан замкнутыми, но способными на проявление чувств: «Спутники мои (речь идет о двухдневном морском путешествии – А.С.), почти все Англичане, были мало общительны (так в тексте – А.С.) и очень молчаливы. Англичане не заботятся о незнакомом им человеке, не любопытствуют о нем и не замечают его присутствия: это у них в характере. Начните в первый раз говорить с Англичанином, и вы услышите от него короткие ответы; но когда вы достигнете до его сердца, когда разбудите его внимание, и когда он взглянет в ваши достоинства, то будьте уверены, что он их оценит»²⁸. Как и в других случаях, у Симонова мало информации об английском юморе, но отдельные внешние проявления отложились в памяти: при посещении Зоологического сада в Лондоне, где «под прекрасный хор музыки, игравшей разные пьесы из сочинений Генделя, Мюзара, Обера, Мюллера и Жюльена, шумел, без милости, один из моих соседей – очень толстый пожилой Англичанин, в старинном фраке, в низенькой соломенной шляпе, в сапогах с отворотами и в веселом расположении духа. Весьма острые, несколько грубые, но необидные выражения, которые он громко относил ко всякому мимо его проходящему зрителю, заставляли хохотать всех присутствующих»²⁹. В другой раз, посетив знаменитый сад Воксал, Симонов услышал в конце аллеи песни соловья: «Подхожу туда и вижу, что это был человек, который после соловьиной песни, взял у одного посетителя трость, и стал играть на ней как на флейте какую-то арию с вариациями: этот человек нанят был для того, чтоб забавлять и смешить публику»³⁰. Эта последняя зарисовка ничего не говорит о чувстве юмора у англичан, но она опровергает стереотип «чопорности» и «серьезности» как свойства английского характера.

---

²⁷ Там же. С. 163.

²⁸ [Симонов] Записки и воспоминания. С. 15.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ Там же. С. 106.

В рассмотренных травелогах наиболее последовательно признавал способность англичан шутить и веселиться, пожалуй, известный славянофил А.С. Хомяков. Он писал так: «Вслушайтесь в эти шуточные выходы, в этот поток едкой иронии и в громкий непритворный смех слушателей, и скажите потом, где простота. А Англия считается чопорную, а вечно актерствующая Франция простою»³¹. Ниже он продолжал: «Говорят: англичане не веселы, страдают вечною скукою и наводят скуку на всех. Странное дело! Эта скукающая земля истари называла себя веселою Merry Old England. Должно быть она не догадывается и не замечает, что ей скучно, а кому же бы лучше ее это знать?... Где живет и многочисленнее народная игра? Где такое огромное стечение зрителей на веселую общую забаву, от благородной скачки конской, в которой участвует вся гордость аристократии, и от живописных регат по Темзе, в которых спорят между собой университеты и города, до кулачного боя, в котором выражается вся упрямая энергия народа, до петушиного и собачьего боя, в котором англичане радуются тому, что умели передать животным качества, давшие им самим такой великий перевес в их долгой борьбе с другими народами»³². Отметим положительное отношение Хомякова к тем видам забав, к которым в самой Англии существовало далеко неоднозначное отношение.

У Хомякова присутствует еще один примечательный момент, связанный, как выясняется, с темой юмора. Он писал об отношении англичан к детям и детским играм: «Пройдите по лондонским паркам, даже по Сент-Джеймс, взгляните на игры детей и их свободу, на группы взрослых, которые останавливаются подле незнакомых детей и следят за их играми с детским участием. Вас поразит эта простота жизни». Далее, описывая поездку на поезде в Ричмонд, он продолжал: «На горе по широкому луку мелькают кучи играющих детей; хохот, веселый говор несется издали. Поглядите, все ли это дети? Совсем нет. Между детьми, и с ними, и отдельно от них, играют и бегают взрослые девушки со своими ровесниками, так же весело и бесцеремонно, как будто дети; и они принадлежат если не высокому, то весьма образованному обществу»³³. Это рассуждение об интересе к детским играм важно, потому что сами англичане считают «детскость» одним из признаков английского юмора. Российский исследователь, ссылаясь на труд Г. Николсона, пишет: «Любовь к детским остротам занимает огромную часть английского юмора. Это

---

³¹ Хомяков. Англия. С. 13.

³² Там же. С. 15-16.

³³ Там же. С. 12-13.

происходит не потому, что англичане больше, чем другие нации, склонны к детскости. Это объясняется тем, что англичане, будучи эксцентричны, инстинктивно не любят черты взрослого общества, и они, даже если прямо не атакуют эти черты, то пытаются найти комфорт и разрядку внутри этого общества». Подтверждение этой идее обнаруживается в словах знаменитого английского драматурга Д. Пристли: «Нельзя сказать, что юмор, присущий англичанам, ребячлив, но некоторые формы и особенности его действительно вырастают из детства. Как и дети, мы наслаждаемся образами фантазии, и если воображение не подвергается ограничению, не подавляется злобой и ненавистью, как это бывает в плохом детстве, мы начинаем пользоваться юмором в раннем детстве»³⁴.

Насколько русские в первой половине XIX века ценили английской юмор? Если обратиться к монографии Н.А. Ерофеева, остающейся и сегодня лучшей работой об отношении русских к Англии, можно признать, что определенного ответа на этот вопрос он не давал. С одной стороны, в записках русских явно преобладало мнение о «мрачном» характере англичан: «неискусны в шутках, острых словах» (П.И. Сумароков); «нет ни притворных ласк, ни пустых шуток, которые представляют действительный обман» (И.М. Симонов). С другой стороны, Ерофеев утверждал, что «образованные люди в России всегда ценили английский юмор, его своеобразие»³⁵.

Показательно, что в книге Ерофеева отношению к английскому юмору как таковому посвящено всего два абзаца (если не принимать в расчет суждений, приведенных в контексте английского характера в целом), а английским «странностям» и «чуждачествам» отведено много страниц. Это, безусловно, отражает содержание самих источников. Ерофеев отмечал, что английский юмор не всегда понятен русским в силу своего своеобразия. Он приводил высказывание из «Московского телеграфа»: «От гения старинной Англии осталась у англичан какая-то странность в идеях, какой-то самобытный образ выражать свои чувства, остался, наконец, этот юмор, которого нельзя выразить словом, взятым из всякого другого языка»³⁶. Как уже отмечалось, слабое знание языка было одним из факторов, препятствовавших пониманию юмора. В приведенных примерах путешественники были свидетелями ситуаций, связанных с проявлениями юмора, и они зафиксировали их в своих записках, затруднившись, однако, передать их смысл.

---

³⁴ Шестаков. С. 86.

³⁵ Ерофеев. С. 174-178; 208.

³⁶ Там же. С. 209.

К поиску причин этого затруднения можно подойти по-другому: в какой степени национальный юмор может быть понят, оценен, то есть «раскодирован» представителями другой нации? Приведем в этой связи суждение английского филолога, занимавшегося «языком юмора». А. Росс пишет: «Юмор, от политической сатиры до шутки, значим как способ установления дружеских взаимоотношений и исключения других»³⁷. На «исключение других» стоит обратить внимание; этот автор справедливо подчеркивает, что в юморе важен не только личный вкус («личный вкус – это решающий аспект юмора»), но и «сильный социальный аспект, влияющий, на то, как юмор воспринимается». Одна и та же шутка может «прозвучать» в одном контексте, и «умереть» в другом. Росс справедливо утверждает: «Как и другие аспекты языка, юмор – это способ, при помощи которого люди показывают свою принадлежность к группе... Социальный контекст важен для создания и восприятия юмора. Юмор с трудом преодолевает временные границы и границы социальных групп; юмор так же устаревает, как мода, и часто он зависит от конкретных культур и ценностей»³⁸. Если юмор имеет национальные границы и является способом идентификации и самоидентификации, так ли уж странно выглядит, в общем-то, низкий уровень оценивания английского юмора в русских травелогах?

Проверим эту гипотезу, обратившись к одному из самых любопытных сочинений путешественников об Англии – книге немецкого автора Карла Морица, знавшего английский язык настолько хорошо, что англичане, с которыми он сталкивался, не догадывались, что он иностранец. Книга Морица описывала его пребывание в Англии в 1782 г.³⁹ Об этом сочинении, не прошедшем мимо внимания историков, мне уже довелось писать в контексте английского национального характера⁴⁰. Итак, понимал ли английский юмор Мориц, немец, прекрасно знавший английский язык? У него нет прямых оценок юмора англичан, но есть эпизоды, позволяющие, тем не менее, пролить свет на этот вопрос.

Современная английская исследовательница К. Фокс выделила в английском юморе правило преуменьшения и правило «самоуничижения», поощряющее самоиронию: «Как бы поощряется демонстрирование скромности. Это скрытый юмор, зачастую почти неуловимый. Умалая собственное достоинство, мы подразумеваем противоположное, мы вы-

---

³⁷ Ross. P. IX.

³⁸ Ibid. P. 1-2.

³⁹ Путешествие Г-на Морица...

⁴⁰ Соколов. 2012.

соко ценим человека, который принижает себя. Проблемы возникают, когда англичане следуют этому правилу в разговоре с представителями других культур, которые не способны оценить иронию и принимают наши самоуничижительные заявления за чистую монету»⁴¹. В соответствии с этим правилом можно интерпретировать эпизод из книги Морица с описанием церковной службы в маленькой деревне и осмотром церкви: «Некоторые из солдат, хотевшие показаться вольнодумцами, присоединились ко мне, когда я осматривал церковь. Казалось, что они даже стыдились ее, говоря: какая жалкая церковь. Тут осмелился я поучить их, что никакая церковь не может называться жалкою, если она заключает в себе честных и благоразумных людей»⁴².

Представляется, что здесь перед нами случай непонимания особенностей английского юмора: англичанин просто пошутил по правилу так называемого преуменьшения, являющегося формой иронии. Мориц, будучи иностранцем, да еще лицом духовным, просто не мог принять предложенной англичанином иронии.

А вот в другом случае Мориц со своим собеседником-немцем «ухватили» момент юмора – таких эпизодов в книге, в общем-то, немного. Речь идет о посещении одной из лондонских достопримечательностей, парка развлечений, так называемого Воксала. Немцы были удивлены «наглостью и бесстыдством здешних *непотребных* женщин. Они подходили к нам целыми дюжинами вместе со своими начальницами, которые самым бесстыдным образом требовали одну рюмку за другою для себя и своей свиты, в чем им никто и не отказывал». Тут произошло следующее: «Один англичанин пробежал мимо нас чрезвычайно скоро. Некто из его знакомых спросил его, куда он идет. I have lost my Girl (я потерял свою красавицу) – отвечал он таким комически-важным тоном, который всех нас заставил смеяться. Казалось, что он искал свою красавицу так, как будто перчатку или палку, которые он где-нибудь оставил»⁴³. В данном случае юмор строился по правилу самоуничижения, требующему демонстрации показной скромности, которая никак не вязалась с присутствием «красавиц»/«непотребных женщин». Память Морица сохранила комически-важный вид англичанина, одного из «чудаков», или эксцентриков, которыми богата, судя по травелогам, Англия. Заметим, что в отличие от примеров из русских травелогов Мориц ухватил и смысл, и контекст высказывания, и смеялся, как все окружающие.

---

⁴¹ Фокс. С. 90.

⁴² Путешествие Г-на Морица... Ч.2. С. 25.

⁴³ Там же. Ч. 1. С. 51.

Что еще показалось Морицу смешным? Вот как он описывал посещение парламента: «Чрезвычайно удивили меня явные оскорбления и грубости, которые парламентские члены делали друг другу; например, когда один переставал говорить, то другой начинал непосредственно: it is quite absurd и так далее, то есть совершенную нелепость предлагал сей right honourble Gentleman (т.е. почтенный господин) – название, которым члены парламента друг друга титулуют. Никто не смеет сказать другому прямо в лицо: ты говоришь глупо, но обыкновенно делают обращение к оратору и говорят: этот почтенный господин говорил очень глупо. *Смешно смотреть* (курсив наш – А.С.), как один говорит, а другой делает за него жесты. Этот пример видел я на одном пожилом почтенном гражданине, который сам не отваживался говорить; но между тем, как говорил его сосед, он означал всякую важную мысль самыми выразительными жестами, при чем все его тело приходило в движение»⁴⁴. В этом случае смешным Морицу казалось то, что не вписывалось в его представления о правильных проявлениях коммуникации, в том числе политической. Наоборот, не телесные, а словесные проявления юмора, по-видимому, не оценивались в должной мере. Таким образом, можно предположить, что прекрасное знание английского языка само по себе не гарантировало адекватного восприятия английского юмора, что, в принципе, подтверждает мысль о том, что юмор может быть универсальным, а может выступать как средство утверждения национальной идентичности.

Эта мысль представляется правомерной, если обратиться к сочинениям, в которых англичане говорят о своем чувстве юмора. Не будет большим преувеличением сказать: эти описания подчас приобретают черты «патриотического нарратива». Любопытным примером нестандартного мышления может служить книга почти забытого, к сожалению, автора начала XIX века Уильяма Бурдона. Рассматривая патриотизм как предубеждение сознания и воспитания, Бурдон, все же, смотрел на англичан как на особую нацию. Например, он замечал, что слышал от иностранцев, будто среди жителей его страны больше людей эксцентричных (чудаков, как предпочитали писать русские путешественники), чем в любой другой. Соглашаясь, Бурдон объяснял эту особенность тем, что пользуясь свободой от деспотической власти, англичанин более разнообразно проводит свое время и более свободно пользуется своей собственностью, чем кто-либо еще. Отсюда проистекает различие в характерах, обнаруживающееся во всех частях империи, но особенно в метрополии: «Турок и русский походят один на другого

---

⁴⁴ Путешествие Г-на Морица. Ч. 1. С. 80-81.

почти во всем, однако трудно найти двух похожих англичан, кроме как в общих чертах их характера: любви к своей стране, храбрости, любви к свободе. Эти черты перемешиваются и дополняются многими другими качествами, но сами по себе настолько сильны, что и составляют суть национального характера»⁴⁵. Если так писал «критический» писатель, неудивительно, что другие авторы были еще последовательнее в прославлении своей нации.

Младший современник Бурдона, знаменитый писатель У. Теккерей, путешествуя по Соединенным Штатам, прочитал в Нью-Йорке публичную лекцию, специально посвященную традиции юмора в английской литературе, в которой подчеркивал, что благодаря чтению Аддисона, Стила, Филдинга, Голдсмита, Диккенса люди становятся «счастливей, лучше, доброжелательнее к соседям, терпеливей, более склонными к добру, любви, прощению, сочувствию»⁴⁶. Образованный человек, обладающий чувством юмора, почти наверняка имеет натуру филантропическую и чувственную. Недаром лекция Теккерей называлась «Благотворительность и юмор» и претендовала на обоснование взаимосвязи этих двух ведущих черт английского характера. Народный юмор, как и литературный, «всегда добр и рыцарственен. Он всегда принимает сторону слабого, а не сильного. В книгах, пьесах и развлечениях для низшего класса в Англии я вряд ли могу припомнить хоть один рассказ или произведение для театра, в котором лихой борец из народа не оттузил бы безнравственного аристократа»⁴⁷. В своем известном высказывании Теккерей утверждал: юмор, подразумевающий только смех, не будет ни интересным, ни специфически английским.

В середине XX века в книге, посвященной английскому образу жизни и характеру, британские авторы рассматривали юмор как неотъемлемую часть «английскости». Впервые качества английского юмора нашли воплощение у Чосера, Европа не знала такого понятия: «Нам нужно было изобрести его для себя. Хотя был Вольтер, ни французы, ни какой другой народ не имели слова *humour* в том смысле, в котором мы используем его. Это целиком наше слово, и мы иногда говорим так (жалуются иностранцы), как будто это целиком наша национальная собственность»⁴⁸. Другие авторы тоже отмечали специфический английский смысл этого понятия. Г. Николсон приводил слова известного француз-

---

⁴⁵ *Burdon*. P. 86.

⁴⁶ *The Works of William Makepeace Thackeray*. P. 350.

⁴⁷ *Ibid*. P. 359-360.

⁴⁸ *The Character of England*. P. 343.

ского писателя и историка И. Тэна, большого англофила, который в «Истории английской литературы» утверждал, что «humour» нельзя перевести на французский, «так как у нас нет качества, которое это слово означает»⁴⁹. Один из авторов «Характера Англии» в качестве черты национального характера называл *эксцентричность* англичан. Мнение об их эксцентричности разделяли многие иностранцы, говорившие о «бешеных собаках и англичанах» или, более мягко, о том, что «англичанином правит погода в его душе». Признавая, что «слухам об английской эксцентричности» есть немало подтверждений, он вопрошал: «Являемся ли мы страной юмористов, в которой у каждого свой юмор? Не являются ли такие формы выражения способом самоутверждения, пузырями, позволяющими нам чувствовать себя в безопасности и защищенными? Нельзя ли также сказать, что предполагаемая самодостаточность, природный индивидуализм делают нашу эксцентричность выражением реальной, хотя часто бессознательной, эгоцентричности? Вряд ли это все миф. Но для большинства из нас так и остается загадкой, как страну «правильных форм» и флегматичных привычек можно одновременно рассматривать и как страну, восстающую против обычаев и канонов»⁵⁰.

В те же годы Г. Николсон в исследовании, специально посвященном английскому юмору, задавал вопрос: «Не является ли английское чувство юмора всего лишь воплощением таких национальных характеристик, как доброта, толерантность, сентиментальность, оптимизм, лень, игривость, ребячество, нелюбовь к крайностям и стремление к умственному и эмоциональному облегчению?»⁵¹. Он предлагал прислушаться к мнению иностранцев, особенно тех, кто посвятил изучению Англии годы. В частности, Тэн прав в том, что в английском юморе присутствует «особое сочетание насмешки и важности, что в нем выражены скорее нервные, чем интеллектуальные реакции, что он предполагает надевание неожиданных масок, что он содержит большую долю воображения, что он иногда дегенерирует в буффонаду и ребячество. Немногие будут отрицать, что любовь к чуши составляет значительный компонент английского юмора»⁵². Как видим, в приведенных примерах описание свойств национального характера англичан содержит сугубо положительные коннотации. Сочинения такого рода решали две основных задачи: социально-культурную и педагогическую; они конструиро-

---

⁴⁹ Nicolson. P. 21.

⁵⁰ The Character of England. P. 569.

⁵¹ Nicolson. P. 3.

⁵² Ibid. P. 22.

вали национальную идентичность и воспитывали патриотизм. При этом принципиальных различий в оценках национального характера у британских авторов начала XIX и середины XX века нет. Обращение к теме юмора способствовало «раскрытию» лучших качеств национального характера. Убережемся от соблазна назвать недавнюю книгу К. Фокс модифицированным вариантом «патриотического нарратива», приняв ее как часть научного дискурса. И все же, если ей верить, то англичанам чужда «пылкость и помпезная выпренность», которая «бьет через край» у многих наций, когда речь заходит о патриотизме. Она говорит о том, что англичане, как правило, «изумляются легковерности ликующих толп, покупающихся на подобную высокопарную чушь», произносимую, в частности, американскими политиками. Англичане чувствуют неловкость, когда политики произносят «постыдные банальности смехотворно пафосным тоном»⁵³. Подводя итог, отметим высокий уровень оценки юмора как свойства английского характера в сочинениях самих англичан на фоне незначительного внимания к нему в сочинениях путешественников, отводивших больше места «странностям» и «чужацествам». Иностранцы не всегда могли «ухватить» смысл шутки и не всегда принимали форму, в которой она конструировалась. Это позволяет говорить о том, что юмор часто выступает как специфическое средство отделения «своих» от «чужих»; особенности восприятия (или невосприятия) юмора иностранцами зависели, в большой мере, от их принадлежности к иной национальной культуре. Анализ травелогов конца XVIII – первой половины XIX в. показывает, что английский юмор в то время имел свойства и выражался в формах, проявляющихся и в более поздние исторические времена, что говорит о большой доле константности и преемственности в развитии юмора как социокультурного явления.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Греч Н.И.* Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб.: Типография Н. Греча, 1839.
- Ежедневные записки в Лондоне Павла Свинына. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1817.
- Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853. М.: Наука, 1982.
- [Жуи] Лондонский пустынный, или описание нравов и обычаев англичан в начале XIX столетия. СПб., 1822.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л.: Художественная литература, 1964.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.

---

⁵³ Фокс. С. 81.

Путешествие Г-на Морица по Англии. В письмах. М.: Вольная типография Гария и компании, 1804.

[Симонов] Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году. Казань: Университетская типография, 1844.

Соколов А.Б. Английский характер. Немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии //Диалог со временем. 2012. № 39. С. 59-78.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008.

Шестаков В.П. Английская литература и английский национальный характер. СПб. Нестор-история, 2010.

Burdon W. Materials For Thinking. V. I. L.: Effingham Wilson, 1820.

The Character of England / Ed. by E. Barker. Oxford: Clarendon Press, 1947.

A Cultural History of Humour. From Antiquity to the Present Day / Ed. by J. Bremmer and H. Roodenburg. N.Y.: Polity Press, 1997.

Nash W. The Language of Humour. Style and Technique in Comic Discourse. L.: Longman, 1985.

Nicolson H. The English Sense of Humour and Other Essays. L.: Constable & Co., 1956.

Ross A. The Language of Humour. L.: Routledge, 1998.

The Works of William Makepeace Thackeray. V. XI. N.Y.: AMS Press, 1968.

Соколов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru